

Источник: Таганрогская правда
Дата выпуска: 23-29.09.2016
Номер выпуска: 107
Заглавие: Диверсия на азовской верфи
Автор: Андрей Рафтопуло

Сегодня «Таганрогская правда» начинает публиковать отрывки из повести Андрея Рафтопуло «Диверсия на азовской верфи». Она написана на основании исторического факта, упомянутого в «Энциклопедии Таганрога», – во времена Екатерины Великой была пресечена деятельность шпионской группы, замышлявшей взрыв боевых судов на городской верфи. Наряду с описанием реальных событий в произведении присутствует художественный вымысел, упоминаются как подлинные, так и вымышленные имена и фамилии.

Повесть вошла в одноименную книгу, в нее Андрей Александрович также включил ранее публиковавшиеся произведения «Господин судебный следователь окружного суда» и «Записки следователя прокуратуры. Послевоенное лихолетье».

Андрей Рафтопуло – подполковник полиции в отставке, обладатель государственных и ведомственных наград. Перед увольнением из органов МВД работал начальником пресс-службы подразделения Главного управления МВД России по Южному федеральному округу, по роду деятельности часто выезжал в служебно-боевые командировки, работал в следственной группе, расследовавшей известное уголовное дело «Война». Он также является автором книг «Война за колючей проволокой», «Мы за правое дело дрались, камарад», «Таганрог криминальный», «Повесть о солдатской матери» и многочисленных публикаций о ветеранах МВД России в газетах «Ветеран Дона», «Полицейские ведомости» и «Таганрогская правда».

А в это время в императорском дворце...

«Мое мнение есть, чтобы гавань отдать в ведомство Сенявину с тем, чтобы она могла служить как убежищем судам, так и для построения судов, а наипаче, галер и других по тому месту удобных судов. Я ему дам на то и на другое, на первый случай, двести тысяч рублей, а с ним условиться надо о заведении там адмиралтейского департамента и служителей по мере тамошней морской силы.

В реке Доне-же никакой способности нету по ея мелям к построению или, лучше сказать, к плаванью вниз судов.

2) Главный предмет – будущий год на Азовском море, кажется, быть должен для развития новозаведенных крепостей, чтобы сделать нападение на Керчь и Тамань и завладеть сими крепостями, дабы пролив Чернаго моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого Цареградскаго пролива и до устья Дуная. Если-же грузинцы овладеют краем того же Чернаго моря, то нашим судам в случае противной погоды одно верное прибежище прибавится. И так прошу, есть ли Совет с вышеписанным согласен, прилежно входить в представления Сенявина и сего ревностного начальника снабдевать всем, в чем только он может иметь нужду и надобность, чем и меня весьма одолжите; ибо донская экспедиция есть дитя, кое у матери своей крепко на сердце лежит» (подлинный документ – авт.).

Императрица закончила диктовать, немного задумалась, а потом решительно махнула головой, давая понять, что продолжения далее не будет. Писарь споро свернул лист бумаги, низко склонился перед Екатериной и, не показывая спины, стал отступать к двери. Но царица не обращала на это никакого внимания. Она была в своих нелегких государственных думах. Итак, турки объявили бескомпромиссную войну России, и она приказала двинуть войска к турецким границам. А война, если она необходима, – дело несусветно дорогое... Неожиданно ей стало зябко, потянуло холодком по ногам, хотя в приемной зале жарко

топился, треща березовыми дровами, очаг. Час назад императрица принимала польского посланника, оделась по полному политесу, обула золоченые туфельки, но сейчас ведь можно и переобуться. Царица хлопнула в ладони, зовя служку:

– Принесите мне валенки и поживее.

Одев теплую обувь, Екатерина прошла несколько раз по зале, вернулась и снова задумалась.

Ах, если бы можно было только думать о делах государственных... Приехав сюда молоденькой принцессой, она не по своей воле окунулась в водоворот дворцовых интриг и заговоров. Все что-то затевали и выгадывали, стараясь потопить «ближнего своего» по дворцовой службе. Причем в методах затоптать противника в грязь не гнушались. Яд в кушанье или «несчастный случай» – это было лишь самым легким из подобного. Наговоры или просто откровенная ложь являлась неотъемлемой частью дворцовой жизни.

Созданные коалиции бились между собой не на жизнь, а на смерть, переманивали в свой лагерь вчерашних врагов. Так, чуть ли не с самого начала дворцовые сплетники стали болтать о выдуманных ими же изменах царицы Петру Третьему. Она же, воспитанная в добропорядочной немецкой семье, всегда хотела быть верной супругой. В отличие от него, сразу показавшего отвращение к семейной жизни. Об этом Екатерина позже напишет в своих записках.

Приехав совсем юной из-за границы и познав на себе всю эту гадость, Екатерина попыталась вернуться домой. Но властная императрица Елизавета сразу пресекла это. Пути назад не было... Был только один путь – стать сильной, нужной народу и показать свою силу. И она стала искать союзников. Тех самых людей, на которых можно опереться в трудную минуту. Екатерина была умной женщиной, сумела найти таких, приблизила их к себе, оказав полное доверие. Подобным качеством она отличилась от Петра Великого, очень редко доверявшего кому-то и старавшегося делать всё самому.

А в это время в императорском дворце...

Ее трудные мысли прервал тихий и вкрадчивый голос слуги.

– Из Тайной экспедиции прибыли, ваше царское величество.

Императрица недовольно посмотрела на него и сухо кивнула. Конечно же, как она могла забыть, что назначила время на прием одного из лучших разведчиков империи?

Последний незамедлительно вошел и присел на указанное кресло. Это был среднего роста человек, одетый в парик, под которым проглядывало невыразительное сухощавое лицо.

«Впрочем, все люди этой профессии должны быть незапоминающимися. Встреть такого в толпе незнакомцев, и через час забудешь об оном», – подумала Екатерина.

– Давай, Яков, докладывай, – и, видя, что тот поднимается, собираясь говорить стоя, устало разрешающе махнула рукой: – Сиди. По делу только говори.

Тот присел, раскинул волосы парика и, смотря куда-то в пол, стал докладывать.

– Злодейство большое замышляется, матушка государыня. Очень большое, – значительно подчеркнул Яков. – Доподлинно известно, что француз хочет уничтожить строящиеся тобой верфи на Азовском море...

– Верно ли это, Яков? С французом у меня, конечно, большие споры, но вот так-то... – раздумчиво проговорила императрица. – Может, приукрашивает твой человек? А?

– Нет, матушка государыня, вранья здесь и на копейку нет. Он там возчиком в специальной лаборатории работает некого господина Жака, еще того прохвоста. Так вот, ему удалось подслушать, что засылают к нам врага с заданием. А задание в том, в чем слышала ты, – азовские верфи порушить. Чтобы строительство кораблей надолго остановить.

– А что это за лаборатория такая, Яков? Большая ли опасность для нашего государства в том? – после некоторого молчания задала вопрос Екатерина.

– Безусловно, опасность великая, матушка. Там все устроено во вред государства нашего. Яды быстрые и медленные готовят. Огневое зелье – порох такой делают, что твой дворец можно до основания разрушить. Да и многое другое...

– Да-а, – протянула царица, – надо бы сие дьявольское гнездо стереть, чтобы и духа нечистого не осталось. Подумай, Яков, об всем и доложи. А пока иди. Что– то подустала я сегодня...

Тот склонился в поклоне и покинул неспешно царские покои.

– Желает ли ваше величество отдохнуть после обеда? – на пороге появился уже знакомый слуга, понимавший с полуслова царскую особу.

«Когда, интересно, мне отдыхать при таких заботах», – саркастически усмехнулась про себя Екатерина и раздраженно приказала:

– Писаря с бумагой и чернилами! А отдыхать уж после буду...

Через несколько минут старательный писарь, от усердия высывавший кончик красного языка, царапал пером лист бумаги.

«Граф Александр Васильевич, – писала она Суворову, – доподлинно нам стало известно о желании лазутчиков большое зло для нашего государства сотворить. Уничтожить наш великий труд по строительству верфи в морской гавани Петроазовска (прототип города Таганрога – **авт.**). Как враги это собираются произвести, неизвестно. Одно хорошо знаем, что оное замышляют французские шпионы, которым помешать весьма требуется. Проведи розыск по сему злоумышлению. Да поможет тебе Бог».

Письмо Суворов прочитал, находясь в походной палатке. В то время Александр Васильевич командовал Кубанским корпусом, который располагался в крепости святого Дмитрия Ростовского (нынешний Ростов-на-Дону – **авт.**). Он уже обмылся теплой водой, поужинал и готовился ко сну после утомительного по заботам службы дня. Но неожиданно на пороге вырос казак со срочной депешей и серебряной серьгой в ухе. Пока Суворов читал послание, казак высоко держал зажженную свечу.

Александр Васильевич являлся хорошим военным, но для розыскных дел против шпионов у него был помощник – князь Забровский Родион Васильевич. И Суворов, не откладывая, сейчас послал за ним нарочного. Тот прибыл незамедлительно и внимательно несколько раз прочитал государево послание.

– Что скажешь, князь? – спросил Александр Васильевич, когда тот положил лист бумаги на походный столик.

– Человека надежного послать в Петроазовск – это первое, – отвечивал Забровский. – А второе – учредить тайный сыск за иностранцами, работающими на гавани. Если супостат задумал сие злодейство, оно сподручнее делать через иностранцев.

Забровский на несколько секунд задумался.

– В Петроазовске предостаточно заморских кампаний. Надо и за ними тайное наблюдение произвести...

– Хорошо, голубчик, – остановил его Александр Васильевич. – Время уже позднее, и недаром говорят: утро вечера мудренее. Ты завтра записку составь обо всем этом, и мы дальше обсудим, как супостата изловить. Все, иди.

Диверсия на азовской верфи

За полночь к воротам верфи (где по приказу коменданта Збродова была снята охрана) подъехала тяжело груженная мешками телега. На мешках краской большими буквами было написано «мак». За телегой возле ворот также остановился возок, из которого, стараясь не шуметь, вышли пятеро человек. Среди них были штурман Гранье (подчиненный Монбрюна), бородач-денщик и трое плотников с верфи. На копыта лошадей диверсанты предусмотрительно надели опорки, чтобы не было слышно цоканья о булыжную мостовую. Да и сами они переговаривались шепотом, постоянно озираясь по сторонам. Убедившись,

что опасности нет, штурман махнул рукой, направляя телегу к стапелям со строящимися на них боевыми кораблями.

Здесь штурман вытащил из ножен матросский нож и с треском распорол первый мешок. Подошедшие плотники и денщик, набрав порошка в горсти ладоней, стали старательно рассыпать его повсюду. Довольный Гранье подошел ко второму мешку, распорол и его, но тут...

– Всем стоять на месте! Все арестованы! – диверсантов сразу окружили рослые grenадеры с ружьями, словно спрыгнувшие с неба.

К штурману Гранье подошел военный в форме адмирала с фонарем в руках. Это был адмирал Клокачев.

– Господин штурман! Сдайте оружие! Вы и ваши приспешники арестованы! – громко произнес адмирал.

Гранье без лишних слов сдал пистолет и нож.

Ранним утром в своих домах арестовали не ожидавших такого крутого поворота виконта Монбрюна и бригадира-предателя Збродова.

Из утверждения Екатериной II Приговора Военной коллегии «по делу виконта де Монбрюна и протчих, в государственном преступлении обвиняемых»:

«Обстоятельствами дела, Военной коллегией рассмотренного, капитан-лейтенант Черноморского флота виконт де Монбрюн с несомненностью изобличен в клятвopеступлении и государственной измене и, в соответствии с законами империи Российской, по всей справедливости приговорен к смертной казни через расстреляние, однако, поелику преступные замыслы де Монбрюна осуществления не получили, а более всего по свойственному нам человеколюбию и милосердию, повелеваем: оного виконта де Монбрюна, лиша чинов и орденов, на службе в империи нашей полученных, предать публичной казни во дворе Петропавловской крепости с преломлением над главою его шпаги, с коей он служил, после чего сослать его в Сибирь на вечные каторжные работы... всех остальных, привлеченных к сему делу в качестве обвиняемых, считать невиновными и от каких-либо кар освободить» Екатерина II (подлинный документ – **авт.**).

Однако уже через полтора года императрица помиловала Монбрюна: освободила его от каторги и выслала за границу.

В отношении других преступников судьба не была столь милостива. Рассмотрев все дело, Военная коллегия вынесла суровые приговоры: коменданта-предателя Збродова лишили всех чинов и повесили как «лютого врага». Его денщика и троих плотников прогнали сквозь строй шпицрутенoв и сослали в Сибирь на пожизненные каторжные работы. Иностранных подданных, уличенных в преступлении, лишили чинов и выслали из империи. Дворянский же сын Кедров сумел вовремя сбежать из Петроазовска и посему остался под вечным подозрением с объявлением в розыск.

Эпилог

Июньским поздним вечером к зданию лаборатории месье Жака подкатила конная упряжка с большой деревянной будкой. В это время суток внешнюю охрану швейцарцев сменяли французские охранники. Бойко спрыгнувший с повозки кучер, доброжелательно улыбнувшись, протянул часовому пропуск. Звероватого вида детина с ружьем подозрительно оглядел повозку, хотя возчика знал очень давно.

– А почему так поздно, Пьер? И почему сегодня один? – мрачно буркнул он, внимательно изучая пропуск.

Там всё было в порядке, и придраться было не к чему.

– Базиль приболел, – обескураженно развел руками Пьер. – А мне-то что, Андре? Хозяин сказал ехать, я поехал. Ты думаешь, мне хочется самому дохлятину таскать и сжигать?!

Охранник Андре еще раз осмотрел пропуск и разрешающе махнул рукой:

- Давай заезжай. Но быстро. У меня еще много работы без тебя.

- Да я что?- извиняющимся тоном протянул Пьер. - Я тебя не задержу...

Но работа по погрузке дохлых животных шла очень медленно. Переодевшись в робу и надев рукавицы, Пьер швырял в повозку трупы кошек, собак и других мелких животных. Брызги крови и грязи так разлетались во все стороны, что чистоплюй-охранник даже сделал замечание.

- Ты это... поосторожнее, Пьер. Что, мне потом форму прикажешь стирать?

- Ты же сказал по-быстрому, - недоуменно выпрямился возчик, но потом лукаво подмигнул: - А чего тебе здесь торчать, Андре? У меня там в повозке бутылочка доброго вина. Иди-ка отдохни, а я здесь живо управляюсь.

- По инструкции я должен рядом быть... - начал было охранник, но потом, сглотнув слюну, махнул рукой и направился к повозке.

Как только охранник скрылся за дубовой дверью, Пьер разительно преобразился. Он внимательно оглядел еще раз мрачноватое подсобное помещение лаборатории, которое сейчас пустовало. Кроме него, там никого не было. Затем он быстро подошел к заброшенной кладовке, где хранились остатки мебели и какой-то бытовой мусор. В этом помещении было достаточно влажно, и этот факт очень устраивал возчика. Опасливо поглядев на дверь, Пьер вытащил из широкого кармана мешочек с черным порошком и щедро обсыпал им всё помещение. Накидал сверху разбитую мебель, тряпки, аккуратно прикрыл кладовку и снова (Ирм-нялся за свою погрузку. Теперь он действительно стал работать быстрее и через десять минут уже попрощался с охранником. Тот, подобревший от хорошего вина, даже не стал проверять содержимое будки, а просто открыл ворота и в знак прощания махнул рукой.

Под утро здание лаборатории неожиданно охватило бушующее разрушающее пламя. Сразу добралась толпа зевак, среди которых, стараясь быть неузнанным, стоял возчик Пьер. Спящий охранник (в вино подмешали снотворное) сразу не смог вызвать пожарных. Поэтому к приезду месье Жака практически всё сгорело.

По его внешнему виду тот совсем не удивился пожару. Мрачно проговорив только «сколько же трудов пропало!», он прямо пошел в охваченное пожаром здание. Его пытались удержать, но он, грубо всех обругав и накинув плащ на голову, заскочил в пылающее парадное. Все стояли, онемев, и пришли в себя, только когда горящая кровля рухнула на землю, похоронив под собой начальника секретной лабораторий...

Через месяц возчик Пьер сидел за дубовым столом кабачка одного из приморских городов Франции. Услужливый слуга поставил перед ним кружку с пенным пивом, и возчик с удовольствием сразу же сделал большой глоток. Сидевший напротив прилично одетый господин с неприметным лицом молча, совершенно не обращая внимания на Пьера, пил красное вино из глиняной кружки. Встреть такого в толпе незнакомцев - и через час забудешь о нем. Молчание прервал возчик.

- Вы слышали последние вести из Парижа, господин? - обратился к незнакомцу Пьер.

- Дотла сгорела лаборатория некого господина Жака. Кстати, и он сам погиб на пожаре... Вот ведь как бывает. Да...

Не получив никакой реакции на свои слова, возчик обескураженно всё-таки добавил:

- Не хочется Господа гневить, но нехорошее это место было. Просто дьявольское место, прости меня Господи...

- А зачем вы мне всё это рассказываете? - наконец удивленно-рассерженно спросил прилично одетый господин. - Ну сгорело и сгорело. Какое мне до этого дело?! Мало ли сейчас пожаров происходит во Франции? Вот ведь любят поболтать иные бездельники...

Оставив деньги за вино на столе, он с недовольным видом быстро покинул кабачок. Ему и правда было куда спешить. Господин направлялся в гостиницу, где его ждала дорожная карета. Дорога в самом деле была не близкой. Через всю беспокойную и бушующую народными волнениями Европу - в Россию. Но это не страшило господина с неприметной

внешностью. Это являлось частью его беспокойной и в то же время нужной для империи работы разведчика. Кроме того, он ехал с хорошей новостью, которая обрадует матушку императрицу.

Дьявольское гнездо и впрямь перестало существовать.